

Известия. - 1999. - 30 сент. - с. 10.

Окаянные времена

Девятый петербургский фестиваль «Балтийский дом» открылся «Макбетом» Эймунтаса Някрошюса

Ольга ЕГОШИНА

Пожалуй, впервые после Мейерхольда мы увидели режиссера с такой силой фантазии, гипнотической мощью воздействия на зрительный зал, с умением сложнейшие мысли, чувства, настроения передавать в предметно-наглядном виде, с еретической свободой в обращении с драматургическими источниками и театральными канонами. Как и Мейерхольд, Някрошюс видит в пьесе повод для диалога с автором, Богом и миром. Свободно варьируя порядок сцен, отсекая одни, переосмысляя другие, отказываясь от каких-то персонажей (в «Макбете» из действующих лиц остались Макбет, его Леди, Банко, Дункан, ведьмы и солдаты), он создает свой вариант классического текста.

Из трагедии честолюбивого и властолюбивого воина Някрошюс сделал мистерию о человеческих страстях, притчу о грешном человеке, о его пути к гибели. Начинает спектакль трио ведьм (Виктория Куодите, Габриеле Куодите, Маргарите Жиемялите). Женщины-птицы с танцующими воздушными движениями и каркающими головами смеются, обольщают и ставят ловушки, заманивая людские души. В такую ловушку попадает Макбет (Костас Сморигинас), воин с бестрепетным сердцем, готовый убивать и умереть. Оскар Уайльд писал: величайшие грехи мира рождаются в мозгу и только в мозгу. В «Макбете» Някрошюс проследил в мельчайших подробностях,

как зло поселяется в человеке. От первых поцелуев ведьм, от первого прыжка с помоста вниз, в бездну: вначале дрожа от страха, а потом получая упоение от этих прыжков. Как зло растет, как в доме появляется одна ведьма, затем ведьмы уже хозяйничают в доме, поправляют стулья, обметая их вороньими перьями, готовятся к пиру... Зло в этом спектакле обволакивает человека незаметно, пробирается в его дом, залезает в его карманы, сторожа каждую его минуту, используя любые слабости, даже любовь...

Мир «Макбета» Някрошюса организован отнюдь не по причинно-логическим связям, но по законам магии. Общий закон симпатии предполагает связи между далекими друг от друга вещами: разбитыми зеркалами и убийством, вороньим пером и сумасшествием, стуком деревянных палочек и марширующим войском. Не существует случайных предметов, жестов, деталей. Каждая подробность бросает тень в будущее, множатся отголоски. И карканье ворон, и зовущие голоса, и обвалы камней, и вода в сапогах, и мертвая черная птица, и топоры, и кубки с красным вином, и деревья рябины, и секиры — все сплетено в траурный веночек для Макбета и его Леди (Даля Сторик). К сюжетным историям действующих лиц добавляются мини-сюжеты предметов. И все вместе образуют насыщенную головоломную мозаику спектакля.

Макбет размышляет об убийстве короля, а за его спиной в косо повешенных зерка-

ЮРИЙ ФЕКЛИСТОВ

Литовский режиссер Эймунтас Някрошюс, имя которого многое говорит театроманам России

лах плывет мертвое тело в белых одеждах, мелькает страшная фигура ведьмы. Внутрен-

ний мир темных желаний и грязных помыслов обретает реальность. Земля не удерживает

мертвецов. Бодрые покойники Дункан (Рамунас Рудокас) и Банко (Видас Пяткявичус) с

одинаковыми блаженно-дурашливо улыбающимися лицами резвятся среди пирующих гостей, плещутся водой, прыгают через стол, пугая до смертной испарины Макбета... Двое убийц деловито прячут под ковер тело, потом аккуратно обминают серый могильный холмик... Зеркала, камни, вода, свет, колокольчики, птичьи перья, котлы, тонкие рябиновые деревья с кроваво-красными ягодами и разноцветными бумажками счастья — реальнейшие предметы, но и знаки, которые каждый волен расшифровывать так, как ему хочется. Хотя любая разгадка напоминает попытку пересказать своими словами стихотворение, в лучшем случае дающее лишь слабый намек на череду переменчивых и несокрушимых образов, западающих в память.

Някрошюс ставит спектакль о «последних временах», когда уже поздно что-либо «вправлять», когда кровь льется как вода, нарушены все связи. «Не осталось ничего, чтобы меня удерживало в жизни», — говорит Макбет, которого Някрошюс лишает привилегии погибнуть в честном бою. Он завершает спектакль казнью Макбета, которая становится прелюдией гибели мира. Распростертые тела лежат на сцене. Медленно гаснет свет. И волны молитвы принимают умерших. Miserere, miserere. Звучит песнопение, и музыка становится той самой омывающей грехи небесной водой, о которой молился Макбет.

Дальше — тишина.

Санкт-Петербург

Някрошюс Эймунтас

30.9.99